

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные номера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

ВТОРНИКЪ 24 января 1882
12 января

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вслѣдствіе желанія типографшиновъ имѣть въ своемъ распоряженіи воскресные дни и открытія особой типографіи „Вольнаго Слова“, № 25 нашего изданія выйдетъ только въ СУББОТУ, 5-го февраля, и за тѣмъ всѣ послѣдующіе выпуски будутъ производиться еженедѣльно по СУББОТАМЪ.

СОДЕРЖАНИЕ.

- 1) Не благодѣнія власти и земской господчины, а свобода жить нужна народу и всей странѣ. —
- 2) Новогоднія пожеланія русскихъ газетъ, поклоняющихся правительству ex officio и son amote. —
- 3) Подчиненіе «святой дружины» Игнатьеву. —
- 4) Удаленіе фонъ-Плеве. — 5) Новыя права раскольниковъ. — 6) Свѣдѣніе о политическомъ процессѣ 22-хъ. — 7) Новый № «Народной Воли». — 8) Приговоръ по дѣлу Санковского и Мельникова. —
- 9) Литературно-политическія замѣтки: II Абсолютизмъ и Капитализмъ, М. Драгоманова. —
- 10) Г. Галаганъ—для духу, М. Д. — 11) Легальная борьба Босно-Герцеговинцевъ за право и свободу. —
- 12) Письма о равочемъ движеніи: XIII Рабочіе «союзы сопротивленія» въ Великобританіи. —
- 13) Извѣстія и замѣтки: сомнительная телеграмма о нападеніи черногорскихъ войскъ на усташей; приговоръ по дѣлу Токарева, Лошкарева и Кангера. — 12) Объясненіе.

ЖЕНЕВА, 24 января, 1882 г.

Указомъ Сенату 1-го января положенъ конецъ временно обязаннымъ отношеніямъ крестьянъ къ помѣщикамъ. Въ теченіе года земская семья, общество свободныхъ земледѣльцевъ въ Россіи увеличится полтора милліономъ новыхъ членовъ. На основаніи «Положеній» 19-го февраля 1861 года они должны получить въ надѣлъ количество земли, достаточное для обезпеченія ихъ домашняго быта и уплаты податныхъ тягостей и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться свободою самоуправленія въ предѣлахъ сельскаго общества, волости и мѣстныхъ земскихъ учрежденій. Но едва ли эта закономъ поставленная задача можетъ быть разрѣшена сколько нибудь удовлетворительно безъ коренныхъ

измѣненій въ тѣхъ постоянныхъ отношеніяхъ, въ которыя должны стать къ правительственной администраціи освобождаемые нынѣ отъ обязанностей временныхъ, исключительно экономическаго свойства. Двадцать лѣтъ тому назадъ еще можно было надѣяться, что верховная власть не дастъ въ обиду своимъ приказнымъ людямъ ею же освобождаемыя массы народа; но двадцать лѣтъ опыта показали, что попеченія о народномъ благѣ, возглашаемыя въ манифестахъ, не имѣютъ ничего общаго съ ихъ осуществленіемъ на дѣлѣ и что страданія народа отъ произвола и насилія со стороны агентовъ власти начались немедленно вслѣдъ за прямымъ подчиненіемъ его чиновничеству; тѣже двадцать лѣтъ опыта показали, что попечительство надъ трудящимися массами, отъ кого бы оно ни исходило, какъ опека надъ сиротами, всегда служило во вредъ, если не въ конечное разореніе, народному хозяйству, угнетало экономическій и нравственный бытъ народа. Вопреки общему закону о гражданской правоспособности, вопреки здравому смыслу, самостоятельный хозяинъ, отецъ семейства признанъ былъ нравственно несовершеннолѣтнимъ, а потому и органы крестьянскаго самоуправления (сельскія общества и волости), составленные изъ предполагаемыхъ нравственно незрѣлыми индивидуумовъ, отданы подъ опеку чуждой имъ правительственной власти, представленной къ тому же въ самомъ безобразномъ видѣ, въ лицѣ полицейско-административныхъ хищниковъ и кулаковъ изъ среды самого же народа, облюбленныхъ и возвеличенныхъ (разумѣется, относительно) начальствомъ. Выборные администраторы — сельскій староста и волостной старшина — стали низшими полицейскими чинами и не избавлены даже, какъ, напр., члены земскихъ и городскихъ

управъ, отъ взысканій, налагаемыхъ административнымъ порядкомъ. При такихъ условіяхъ органы крестьянскаго самоуправления естественно превратились съ самоугнетающія и давящія народную жизнь административныя инстанціи: волость придавила сельскія общества, мірской сходъ сталъ гнести личность. Народъ вынужденъ былъ спасаться отъ выборныхъ волостныхъ судовъ и отъ міра, толпами бѣжать, какъ въ старину, на новыя, дальнія мѣста, надѣясь тамъ вздохнуть свободнѣе, ища скорѣе новой воли, чѣмъ улучшенной матеріальной обстановки. Наконецъ, онъ собственными руками сталъ разрушать не имъ созданную, а ему навязанную и искажаемую произволомъ, даже вопреки закону, свою общину — этотъ своего рода типъ государственнаго крѣпостничества, на столько же далекій отъ народнаго идеала самоуправления, какъ далека была создавшая ее Ростовцевъ отъ здравыхъ идей социально-политической свободы. Фактъ пріобрѣтенія земель частною покупкой не въ мірскую собственность, а въ собственность свободно образовавшихся товариществъ изъ крестьянъ общинниковъ служитъ тому вѣскимъ доказательствомъ и становится особенно поучительнымъ, если принять въ соображеніе, что упомянутая форма владѣнія есть преобладающая въ ряду случаевъ пріобрѣтенія крестьянами земель путемъ частныхъ сдѣлокъ. Вновь учреждаемый при главномъ выкупномъ учрежденіи крестьянскій земельный банкъ, очевидно, имѣетъ цѣлью воспрепятствовать разрушенію полицейско-административной общины и возникновенію на ея развалинахъ болѣе совершенной, въ социальномъ смыслѣ, формы общиннаго землевладѣнія, основаннаго на началѣ свободнаго соглашенія.

Чтобы крестьянству выбиться на дорогу производительнаго труда, единственно

намъ общія права, за неотложное и возможно полное ихъ осуществленіе въ государственной жизни.

Но именно такого народничанія и не понимаютъ наши публицисты. Блаженный фельетонистъ (онъ же и издатель) «Новаго Времени» запрыгалъ, какъ годовалый теленокъ, укушенный дрокомъ, къ концу министерства «вѣяній» и на канунъ перваго января минувшаго 1881 года задалъ вовсе недвусмысленный ребусъ своимъ читателямъ, пророка неизбѣжность и благовременность «земскаго собора». Теперь же, когда наши земства съ рѣдкимъ единодушіемъ высказались именно въ смыслъ созыва выборныхъ людей для устраненія всероссійской неурядицы, этотъ забавникъ начинаетъ каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Въ фельетонѣ, озаглавленномъ «Похоронный Годъ», мы прочли такую оскорбительную для челоѣческаго достоинства выходку г. Незнакомца противъ самого себя: «Помню эти новогодніе дни въ прошломъ году. Фантазія такъ работала, что на — поди. Я плелъ околесную со всѣми другими». И далѣе: «Я, конечно, изъявилъ претензію на угадываніе будущаго и наплелъ вздору...» Г. Незнакомецъ полагаетъ, разумѣется, что въ этомъ году онъ вздору не плететъ, увѣряя, что всѣ его прошлогоднія заблужденія происходили, будто бы, отъ того, что онъ суевѣренъ, а «суевѣріе», по его мнѣнію, «происходитъ отъ впечатлительности». Блаженны вѣрующіе! Мы же всегда думали, что суевѣріе есть слѣдствіе невѣжества и ни отъ чего другаго происходитъ не можетъ.

Впрочемъ, завѣтный возгласъ поэта:

«Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»

никогда не служилъ девизомъ журнальной дѣятельности въ Россіи.

А сколько людей злоупотребило этимъ девизомъ!

Считаютъ себя солнцемъ и Ив. Аксаковъ, и Мих. Катковъ, и нѣсть числа ложнымъ свѣтиламъ, принимаемымъ за настоящія солнца такъ долго лишеннымъ свѣта истины русскимъ обществомъ!

Вездѣ и всегда возможны заблужденія — *errati humanum est*; но почему же вводить въ заблужденіе считается на Руси обязательнымъ для говорящихъ именемъ или во имя народа?

Мы получили слѣдующее коротенькое, но величественное нѣкотораго значенія извѣстіе:

«Царь утвердилъ корпораціонныя права святой дружины и подчинилъ ее Игнатьеву».

Ходитъ слухъ объ удаленіи дѣйств. статск. совѣтника фонъ-Плесе и о назначеніи на должность директора департамента государственной полиціи лица, приближеннаго ко двору.

Говорятъ, въ правительственныхъ сферахъ возникла мысль о предоставленіи раскольни-

камъ, по крайней мѣрѣ, такихъ правъ, какими подъ державою всероссійскихъ императоровъ издавна пользуются евреи и даже язычники, напр. право открывать молельни, поступать въ среднія и высшія учебныя заведенія и т. п. Пора!

Намъ сообщаютъ, что по политическому дѣлу о противозаконномъ сообществѣ, именуемъ себя террористическою фракціей русской социальнo-революціонной партіи», появятся на скамьѣ подсудимыхъ слѣдующія лица: дворяне: Алексѣй Михайловъ, Николай Колоткевичъ, Михаилъ Тригонъ, Николай Сухановъ, Алексѣй Баранниковъ; дворянки: Елизавета Овсянникова и Людмила Терентьева; дочь чиновника Татьяна Лебедева; дочь священника Анна Якимова; купеческіе сыновья: Григорій Фриденсонъ и Фердинандъ Люстигъ; сынъ фельдфебеля Михаилъ Фролепко; сынъ почталіона Григорій Исаевъ; сынъ псаломщика Осипъ Емельяновъ; сынъ священника Петръ Тычининъ; бывшій чиновникъ государственной полиціи Николай Клѣтчиковъ; сынъ унтеръ-офицера Василій Меркуловъ; мѣщане: Айзикъ Арончикъ, Левъ Златопольскій, Макаръ Тетерка, Николай Морозовъ; прусскій подданный Мартинъ Лангансъ.

Дѣло будетъ слушаться въ 10-хъ числахъ февраля ст. ст., въ особомъ присутствіи сената, подъ предсѣдательствомъ сенатора Дейера, нѣскольکو лѣтъ тому назадъ бывшаго предсѣдателемъ московскаго окружнаго суда, и съ участіемъ двухъ предводителей дворянства, городского головы и волостнаго старшины, какъ сословныхъ представителей. Обвинять будутъ прокуроръ Санктпетербургской судебной палаты Муравьевъ и прокуроръ Санктпетербургскаго окружнаго суда Островскій.

Обвиненіе приписываетъ подсудимымъ, въ большей или меньшей степени участія, слѣдующія преступленія:

1. Убіѣство Мезенцева.
2. Покушеніе Соловьева (2-го апрѣля 1879 г.)
3. Кражу денегъ изъ Херсонскаго казначейства (лѣтомъ 1879 г.)
4. Приготовленіе взрыва подъ Одессою (лѣтомъ 1879 г.)
5. Такое же приготовленіе подъ Александровскомъ (18 ноября 1879 г.)
6. Взрывъ на Курско-московской желѣзнодорожѣ (19 ноября 1879 г.)
7. Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ (5 февраля 1880 г.)
8. Приготовленіе къ покушенію въ Одессѣ (рытье минъ весной 1880 г.)
9. Погруженіе двухъ торпедныхъ минъ у Каменнаго моста въ Петербургѣ.
10. Составленіе плана ограбленія государственнаго казначейства въ Кипшевѣ.
11. Катастрофу 1 марта 1881 г.

Въ «Times» сообщаютъ изъ Петербурга о выходѣ новаго № «Народной Воли», въ которомъ помѣщено воззваніе къ народу, безъ

различія національностей, оказать моральную и матеріальную помощь борьбѣ за свободу совѣсти и мысли и для исправленія зла, причиняемаго деспотическою политикою царя.

Тамъ же помѣщено извѣстіе о приговорѣ суда по дѣлу о покушеніи на жизнь генер. Черевина. Санковскій приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣщеніе, а Мельниковъ къ 20-ти лѣтней каторгѣ. Защитники заявили, что будутъ аппеллировать въ главный военный судъ о смягченіи наказанія.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

II.

Абсолютизмъ и Капитализмъ.

Читатели «Вольнаго Слова», конечно, замѣтили статью «Соціальныи Вопросъ въ Черногоріи», помѣщенную въ 22 № этой газеты. Факты, переданные въ статьѣ этой, по нашему мнѣнію, интересны не только сами по себѣ, для характеристики положенія маленькаго славянскаго государства, но имѣютъ и довольно широкій общій интересъ. Прежде всего характеристика маленькаго Черногоріи въ настоящую минуту напоминаетъ намъ великую, или, лучше, большую Россію въ XVIII вѣкѣ и даже теперь. Эта раздача земель въ новоприобрѣтенныхъ земляхъ на южной границѣ Черногоріи не народу, а придворнымъ, — не напоминаетъ ли совершенной въ гораздо большихъ размѣрахъ раздачу земель Екатериною II въ «Вольностяхъ Войска Запорожскаго», передѣланныхъ Потемкинымъ въ Новороссію? Намъ, по крайней мѣрѣ, эта черногорская раздача напоминаетъ слова украинскихъ пѣсень, — въ родѣ слѣдующихъ:

Ој, с під города, с під Јелисавета (Елисаветградъ)

Сизі орли вилітали,
Ој, там собірались, ој, там собірались
Все нани сенатори,

Пани сенатори, пребольші генерали;

Вони думали-гадали:

Ој, як би нам, напам сенаторам

Запорожську землю взяти?

Ој, як би нам, ој, як би нам

Всі волості одібрали?...»

Ој, як одібрали всі волості запорожські

Зачали на плани ділити...

Ој, тішилися пани сенатори і меньшіі генерали,

Що одібрали въ запорожців землі і владіють сами!...

Конечно, куски, захваченные екатериносскими «панамп-сенаторами», были не черпогорскимъ чета: тутъ одинъ кн. Вяземскій получилъ 100,000 д. земли, а «меньшіи генералъ», генералъ Синельниковъ, даже отъ себя далъ 6000 десятинъ и 130 запорожцевъ еще «меньшему», — поэту Державину *). Но сущность дѣла остается та же самая.

*) Пріятно видѣть, что по крайней мѣрѣ въ лицѣ Державина и кн. Вяземскаго (отца и дѣда русскихъ писателей) запорожскія земли послужили къ поощренію русской литературы. Желательно бы было только, чтобы теперь богатство этой литературы не ставилось, какъ аргументъ, противъ стремленій вывести изъ объѣдѣнія литературу на языкъ запорожцевъ.

Съ другой стороны, не только подобная жерздача земель въ западной, присоединенной къ Черногоріи отъ Герцеговины, части, но и удержаніе здѣсь турецкихъ порядковъ, которые и заставляли народъ здѣшній возставать противъ Турціи и привели, между прочимъ, и къ присоединенію этого края къ Черногоріи, развѣ не напоминаетъ также политикѣ московско-петербургскаго правительства по отношенію къ «западнымъ губерніямъ, отъ Польши возвращеннымъ»? А эти «великаши у опащима»,—вельможи въ опащкахъ,—содержащіе лавочки, развѣ не то же дѣлаютъ въ меньшихъ размѣрахъ, что дѣлали петербургскіе вельможи въ атласныхъ чулкахъ и бархатныхъ съ золотомъ баппакахъ въ XVIII в.?

Чтобъ не пускаться въ большія подробности, загляните только въ сочиненіе Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» (лондонское изданіе 1858 г. «Князь М. Щербатовъ и А. Радищевъ»,—стр. 61—65). Вотъ вамъ «Петръ Ив. Шуваловъ, человекъ умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный,—былъ женатъ на Марфѣ Егоровнѣ Шепелевой, женщинѣ, исполненной многими пороками, а однако любимицею императрицы (Елисаветы)... пожалованъ былъ въ Генераль-Поручики и присутствовать въ Сенатѣ. Тутъ, соединяя все, что хитрость придворіа найтончайшаго имѣетъ, т. е. не токмо лесть, угожденіе монарху, подслуживаніе любовнику Разумовскому, дареніе всѣмъ подлымъ и развратнымъ женщинамъ, которыя были при императрицѣ (и которыя единныя были сидѣльщицы у нея по ночамъ, нныя гладили ея ноги), къ пышному, не много знаменующему, краснорѣчію, проникнулъ онъ, что доходы государственные не имѣютъ порядочнаго положенія, а императрица была роскошна и сластолюбива; тогда какъ сенатъ, не имѣя свѣдѣній о суммахъ, гдѣ какія паходятся, всегда жаловался на недостатокъ денегъ, сей всегда говорилъ, что ихъ довольно, и находилъ нужныя суммы для удовольствія роскоши императрицы... Имѣя въ виду свою пышность и собственныя свои пользы, увеличилъ тщаніями своими доходы съ винныхъ откуповъ, а, для удовольствія своего корыстолюбія, самъ участникомъ оныхъ учинился. Монополіи старался вводить и самъ взялъ откупъ табаку, рыбныя ловли на Бѣломъ и Ледяномъ морѣ и лѣса Олопецкіе, за все получая себѣ прибыль. При милосердѣйшей государынѣ, учредилъ родъ инквизиціи, изыскающей корчемство, и обогатилъ российскія области кровію пытаныхъ и сѣченыхъ кнутаомъ и пустиши сибирскія и рудники наполнилъ сосланными въ ссылку и на каторги, такъ что считаютъ до 15,000 претерпѣвшихъ такое наказаніе. Взвралъ на торговлю, умножилъ пошлины на товары, безъ разбору, и тѣмъ пріумноженіемъ убытку по цѣнѣ оныхъ, при умноженіи сластолюбія, принужденно многихъ въ раззореніе повлекъ. Умножилъ цѣну на соль, а симъ самымъ приключилъ недостатокъ и болѣзнь въ народѣ. Коснувшись до монеты, возвышалъ и уменьшалъ ея цѣну... Хотя ни одно изъ сихъ дѣйствій не было учинено безъ тайныхъ прибытковъ себѣ, но еще дошедши до чину Генераль-Фельдцейхмейстера и бывъ

подкупляемъ родственникомъ своимъ, Иваномъ Ив. Шуваловымъ, котораго ввелъ въ любовники къ любострастной императрицѣ,... онъ множество старыхъ пушекъ въ монету передѣлать... Не могли скрыть свои желанія корыстолюбія, снлю и властію своею, а пользуясь узаконеніемъ Петра Великаго, чтобы заводы рудоконные отдавать въ частныя руки, испросилъ себѣ знатные заводы и между прочими лучшіе въ государствѣ Гороблагодатскіе, а сіе съ такою безсовѣстностью, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многія сты тысячъ руб., былъ оцѣненъ въ 90,000, то онъ не устыдился о дорогой цѣнѣ приносить жалобу сенату и получилъ его, по новой перецѣнкѣ, гдѣ не справедливость и польза государственная была соблюдаема, но страхъ его могущества, не съ большимъ за 40 т. руб., заводъ, приносящій послѣ ему 200 т. руб. и который послѣ взятъ былъ обратно короною за его долги, за 750 т. р. Откупы, монополіи, мздомство, торговля, самимъ заведенная и грабительства государственныхъ имѣній не могли однако его жадность и сластолюбіе удовлетворять; учредилъ банкъ, повидимому, могущій бы полезнымъ быть подданнымъ, и оный состоялъ въ мѣдной монетѣ, занимая изъ котораго, должно было платить по 2% и черезъ нѣсколько лѣтъ внести капиталъ серебромъ. Но кто симъ банкомъ воспользовался? Онъ самъ взялъ миліонъ, Готъ, взявшій у него на откупъ Олопецкіе лѣса и взятыя деньги отдавшій ему. Армяне, взявшіе въ монополію Астраханскій торгъ и большую часть денегъ отдавшіе ему; князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ, который только взятымъ симъ пользовался, что, увѣряютъ, яко бы въ единое время изъ 20 т., имъ взятыхъ, токмо 4 тысячи въ пользу себѣ употребилъ».

А вотъ образчикъ поменьше П. Ив. Шувалова, но въ томъ же родѣ: «Графъ Ив. Гр. Чернышевъ... учинился другомъ фавориту Ив. Ив. Шувалову... а симъ же зацѣпеніемъ чрезъ сенатъ за малую цѣну, то есть не болѣе 90,000 руб. получилъ мѣдные заводы, гдѣ слишкомъ на 100 м. готовой мѣды было и которые чрезъ нѣсколько лѣтъ, приведенные имъ въ раззореніе, съ великимъ искомъ на нихъ, за 700,000 проданъ обратно коронѣ» (тамъ же, 61).

Мы, впрочемъ, приводимъ примѣры изъ XVIII в., какъ потому что они извѣстнѣе позднѣйшихъ, такъ и потому что самое описаніе ихъ современниками, языкомъ простымъ и грубоватымъ, ближе подходитъ къ наивнымъ формамъ «хищенія», производимаго «вельможами въ опащкахъ». Но, конечно, и изъ XIX в., и изъ ближайшихъ къ намъ десятилѣтій можно составить галерею чиновныхъ хищниковъ, не блѣднѣе «галереи дѣдовскихъ портретовъ» Шуваловыхъ, Чернышевыхъ, Вяземскихъ и т. п. Развѣ на нашихъ глазахъ не расхищали чиновники земель Черноморскихъ, Кубанскихъ, Ставропольскихъ, Самарскихъ, Уфимскихъ и др., подобно тому, какъ расхищали въ XVIII в. земли Полтавскія, Харьковскія, Херсонскія, Екатеринославскія? Развѣ продажа казенныхъ и конфискованныхъ земель на льготныхъ услови-

яхъ русскимъ чиновникамъ въ западномъ краѣ съ 1865 г. не повторила расхищенія земель тамъ же, тотчасъ послѣ раздѣла Польши, съ тою только разницею, что теперь рядомъ съ русскими, получали земли, вмѣсто поляковъ партіи Браицкихъ, нѣмцы и евреи, изъ которыхъ послѣдніе находили себѣ подставныхъ пріобрѣтателей среди русскихъ чиновниковъ и даже вельможъ. Дѣло Токарева только отчасти приподняло завѣсу этихъ операцій, сопровождавшихся злодѣяніями, — но сколько другихъ подобныхъ дѣлъ, хотъ бы, напр., дѣло кровавыхъ расправъ генераль-губернатора Чертова съ чиншевиками имѣнія, пріобрѣтеннаго имъ въ имѣ же администрируемомъ краѣ, — остается подъ спудомъ и даже, быть можетъ, не всплыветъ на свѣтъ и черезъ 30 лѣтъ въ «Русской Старинѣ»?

Всѣ эти и подобные факты изъ жизни, какъ маленькой Черногоріи, такъ и большой Россіи, имѣютъ важный интересъ по связи ихъ съ вопросомъ, который, какъ видно и по цензурной русской печати, занимаетъ теперь умы всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи. Съ какой стороны ни подойдешь, а насущный вопросъ теперешней Россіи есть вопросъ объ установленіи политической свободы. Въ большихъ государствахъ, жителей которыхъ нельзя собрать на одну площадь, какъ въ древнихъ городскихъ государствахъ и въ нѣкоторыхъ кантонахъ теперешней Швейцаріи, свободное правленіе неизбежно принимаетъ форму правленія представительнаго. Конечно, желательно, чтобы представительное правленіе въ Россіи приняло не тѣ формы господства централизованнаго парламентскаго большинства, какія мы видимъ въ большихъ государствахъ материка Западной Европы. Объ этомъ мы довольно говорили и на страницахъ «Вольнаго Слова». Но исполнѣ возможно, что, особенно если образованные люди въ Россіи не возмущаются, что называется, за умъ и не поставятъ рѣшительнымъ образомъ вопроса о федеральномъ преобразованіи Россіи, — исполнѣ возможно, что Россія въ свою очередь перейдетъ отъ централизаціи и господства царскаго къ централизаціи и господству парламентскому. Вотъ это то и смущаетъ многихъ искреннихъ друзей народныхъ массъ въ Россіи вотъ уже тридцать лѣтъ. Смущаетъ потому, что въ западной Европѣ парламенты попали въ руки тѣхъ классовъ, которые принято называть капиталистическими или, не совсемъ точно, буржуазными, которые, конечно, пользуются властію въ своихъ интересахъ. Ну, что какъ то же самое будетъ и въ Россіи? — спрашиваютъ себя многіе изъ искреннихъ друзей народныхъ массъ,—и рѣшаютъ, что лучше пусть правленіе въ Россіи останется монархическимъ. Примѣры демократическаго цезаризма въ европейской исторіи, нѣсколько примѣровъ возвышенія въ Россіи лицъ изъ низшихъ классовъ населенія, — больше, впрочемъ, разночинскаго, чѣмъ мужицкаго, — въ высшіе сановники, нѣсколько наліативныхъ мѣръ въ пользу низшихъ классовъ, мѣръ, принятыхъ русскимъ правительствомъ послѣ долгихъ проволочекъ, — какъ, напр., хотъ бы и пресловутая эмансипація крестъ

1861 г., — считаются въ известныхъ кругахъ достаточными основаніями надѣяться, что абсолютизмъ, который будто бы то спасъ Россію отъ господства аристократіи, предохранитъ ее и отъ господства буржуазіи.

Къ такому, въ основѣ своей благонамѣренно демократическому, кругу идей, которыя довольно распространены въ обществѣ въ Россіи и отражаются и въ русской печати, присоединяются въ разныхъ сферахъ разные родственныя этимъ, но болѣе радикальныя соображенія, начиная съ социалистическихъ и ан-архическихъ антипатій къ буржуазно-государственному парламентаризму, и съ надеждъ, въ своемъ родѣ патриотическихъ, что Россія минуетъ буржуазную государственность и попадетъ прямо на ступень социализма и коммунизма, — и оканчивая старомосковскою вѣропопдашностью и православнымъ отвращеніемъ отъ шовѣрнаго Запада со всѣмъ его порожденіями — отъ латинскаго «крыжа» до англійскаго парламента. Въ концѣ концовъ, изъ всѣхъ этихъ соображеній, надеждъ, мечтаній и антипатій образуются разные отбѣнки русскаго «народничества», которые, иногда даже не будучи прямо благоприятны идеѣ о сохраненіи абсолютизма въ Россіи, во всякомъ случаѣ неблагоприятны для настоятельно необходимой теперь организаціи дружной борьбы противъ этого абсолютизма.

Есть въ Россіи газета, которая основала свой успѣхъ на служеніи всѣмъ самымъ низменнымъ инстинктамъ всѣхъ слоевъ грамотнаго по русски населенія, начиная отъ любителя порнографіи, гвардейца, члена «союза недремлющихъ лоботрясовъ» и до полового московскаго трактира, и которая обильно эксплуатируетъ не только порознь, но иногда и сразу всѣ вышеочерченные отбѣнки народническихъ и народничающихъ антипатій противъ парламентаризма и эксплуатации, конечно, въ пользу сохраненія существующаго въ Россіи политическаго строя*). Покамѣстъ эта эксплуатация еще не возведена въ систему и рассчитываетъ болѣе на инстинкты, чѣмъ на идеи. Но уже пусканіе въ ходъ, при участіи правительственныхъ лицъ, такихъ пробъ, какъ «Общество улучшенія народнаго труда», показываетъ отчасти направленіе, куда могутъ повернуть сторонники абсолютизма въ Россіи, когда среди петербургскихъ правительственныхъ сферъ явятся сколько нибудь ловкіе подразатели Наполеона III или Бисмарка, съ его «практическимъ христіанствомъ», или иначе, гогенцоллернскимъ социализмомъ, — и попробуютъ ослѣдять новаго кося для борьбы и съ либерализмомъ, и съ его логическимъ продолженіемъ, независимымъ социализмомъ.

Много ли головъ успѣютъ заморочить тогда эти петербургскіе Бисмарки, Штекеры, Вагенеры 4-го сорта? Въ разговорахъ кой съ кѣмъ изъ русскихъ социальныхъ революціонеровъ намъ случалось слышать успокоительныя увѣренія, по крайней мѣрѣ, за теперешніе круги, настроенные въ социально-революціонномъ направленіи. Мы не такъ то спокойны даже

за эти круги, и нѣкоторыя тирады даже въ тайно-печатныхъ народническихъ органахъ даютъ, по нашему мнѣнію, основаніе къ нѣкоторому безпокойству на этотъ счетъ. Но переносъ глаза на болѣе широкій горизонтъ и посмотрѣвъ на русское общество и печать за послѣдніе 15—20 лѣтъ и теперь, можно найти еще больше основаній для безпокойства. Вотъ, напр., недавно мы натолкнулись въ «Руси» на выписку изъ одного несомнѣнно демократическаго изданія и въ общемъ вовсе не Ивано-Аксаковскаго направленія, — въ такомъ родѣ: «безъ парламентаризма, совершенно нейтральной власти (?), при существованіи побужденій, будетъ имѣть полную, не ограниченную (курс. подл.) возможность поработать на мужика для его просвѣщенія и улучшенія его экономическаго быта. Между тѣмъ какъ парламентаризмъ не обходимо затруднитъ осуществленіе всякихъ серьезныхъ мѣръ въ пользу народа». «Русь» очень обидѣлась этими словами, потому что усмотрѣла въ нихъ предположеніе о возможности скорого появленія парламентарскаго Ганнибала у воротъ Москвы. Но раздражительность московской газеты ко всему, пишущемуся въ Петербургѣ да еще въ нестрогое — православныхъ изданій, помѣшало «Руси» усмотрѣть въ возмущившихъ ее словахъ идею вполне родственную той, которая проводится на страницахъ самой «Руси» и которая проводилась бы и въ этихъ самыхъ выраженіяхъ, если бы теперешняя редакція «Руси» не растеряла въ послѣдніе годы многихъ демократическихъ идей, которыя заставляли покойную «Вѣсть» называть «День» г. И. Аксакова социалистическимъ изданіемъ. А въ вышеизванной порнографической петербургской газетѣ такъ этими самыми словами очень часто защищается самодержавіе въ Россіи. Согласитесь, что если уже дошло до совпаденія въ мысляхъ между несомнѣнно честными, искренно любящими и чуждыми православному заводу людьми и между поклонникомъ ладоны и представителями порнографическаго имперіализма, — то опасность помраченія умовъ признакомъ императорскаго демократизма оказывается вовсе не призрачною.

Опасность эта чувствуется печатью и въ Россіи и доказывается весьма оживленною полемикою объ «интеллигенціи» (слово, неудачно пущенное въ Россію передъ 1863 г. польскою печатью, которая подъ интеллигенціей разумѣла помѣщичій классъ, національностью котораго желала опредѣлить національность западныхъ провинцій), буржуазіи и народѣ. Полемика ведется со стороны нѣкоторыхъ органовъ вполне искренно за и противъ, по крайней мѣрѣ, буржуазіи, если не интеллигенціи, — со стороны же другихъ съ явнымъ расчетомъ загуманить понятія въ интересахъ абсолютизма. Необходимость для честныхъ органовъ вести полемику въ тискахъ цензуры даетъ напередъ всѣ шансы въ пользу людей, умысленно и неумысленно затемняющихъ дѣло, — такъ что нельзя не пожелать выхода поднятаго спора за границу, гдѣ только и могутъ русскіе писатели поставить ясно вопросъ, — который составляетъ самую интересную часть вышеупомянутыхъ споровъ, — а именно: необходимо ли въ интересахъ народныхъ массъ

Россіи скорѣйшее ограниченіе въ ней монархической власти? Мы вполне увѣрены, что редакція «Вольнаго Слова» не отказала бы въ печатаніи всякой статьи по этому вопросу, которая бы старалась искренно рѣшить его.

Сами мы далеки отъ претензіи не только окончательно рѣшить, но и поставить во всѣхъ подробностяхъ этотъ вопросъ, — по все же позволимъ себѣ затронуть нѣкоторыя его стороны, въ особенности вопросъ о томъ: предохраняетъ ли абсолютизмъ народныя массы отъ господства капитализма?

Прежде чѣмъ подойти прямо къ этому предмету, мы затронемъ близкій къ нему вопросъ о томъ: представительное правленіе непременно ли, по существу своему, связано съ капиталистическимъ господствомъ въ западной Европѣ? Намъ кажется, что нѣтъ, что представительное правленіе и капиталистическое господство только сошлись другъ съ другомъ во времени. Капиталистическое господство есть известная ступень экономическаго развитія европейскихъ народовъ, которая можетъ и должна была сложиться при всякой политической формѣ, въ томъ числѣ и при абсолютной монархіи. Мало того, въ европейской исторіи съ конца среднихъ вѣковъ мы видимъ, что абсолютная монархія сама способствовала сложению капиталистическаго господства. Последнее особенно имѣетъ мѣсто въ странахъ экономически отсталыхъ, какъ Россія и весь славянскій Юго-Востокъ Европы, которыхъ экономическая жизнь поэтому по необходимости подчиняется вліянію болѣе развитыхъ странъ: эти менѣе развитыя страны необходимо входятъ въ періодъ капиталистическаго господства; — абсолютизмъ же въ нихъ, во первыхъ, самъ стремится стать капиталистическимъ, во вторыхъ, является источникомъ и причиной экономическаго неравенства, а, въ третьихъ, орудіемъ, которымъ легко овладѣваютъ всѣ капиталисты и желающіе стать ими. Вотъ это то послѣднее именно и подтверждается примѣрами Черногоріи и Россіи, которые мы привели выше. Мы не сомнѣваемся, что то же самое подтвердитъ бы и анализъ теперешней жизни Сербіи и Болгаріи, который, поэтому, было бы чрезвычайно интересно и предпринять тѣмъ, кто имѣетъ къ тому возможность.

Покамѣстъ и приведенные выше примѣры показываютъ, что абсолютизмъ въ Россіи, по меньшей мѣрѣ, не предохранитъ ее богатствъ отъ самаго безцеремоннаго расхищенія капиталистами и при томъ худшимъ сортомъ капиталистовъ, чистыми хищниками.

На чемъ же бы мы основывали надежду, что впередъ дѣло будетъ идти иначе? Наоборотъ, не гораздо ли болѣе основаній есть предполагать, что будь, напр., въ Черногоріи болѣе или менѣе вѣчвое устройство, то раздѣлъ новопріобрѣтенныхъ земель совершился бы болѣе выгоднымъ для массы населенія образомъ? Въ самой Россіи, не заходя даже далеко, — представимъ себѣ, что исполнялась бы надежда весьма многихъ образованныхъ людей въ началѣ 60-хъ годовъ, — и что уже съ того времени существовала бы въ Россіи какая либо политическая свобода:

*) Для русскихъ читателей называть эту газету нечего; но для западно-славянскихъ читателей «Вольнаго Слова» приходится назвать ее, хотя намъ бы того и не хотѣлось. Это «Новое Время».

конечно, что тогда не только общественное мнение расположенных к массам народа людей не допустило бы множества несправедливостей, совершенных при исполнении эмансипации крестьян, и даже освященных Положением 19 февраля, как оно вышло не из редакционных комиссий, составленных всетаки с участием земских людей, хоть и исключительно помещиков, а из государственного совета, — по даже помещики гуще населенных областей не допустили бы раздачи казенных земель в областях юговосточных чиновникам и арендования их крупными капиталистами, а в своих даже видах поддержали бы голоса тех, кто указывал на эти и вообще на казенные земли, как на резерв для безземельного крестьянского населения *). Между тем и для того, следившего за русскою литературою послѣдних 20-ти лѣтъ, не тайна, что никто другой, как высшие петербургские чиновники, крѣпостники или хищники, при помощи царскаго авторитета, занимали роль самым умѣреннымъ людямъ, рекомендовавшимъ Россіи болѣе благоприятную для крестьянства политику. То же самое происходило и съ голосами въ пользу фабричныхъ рабочихъ или, такъ называемой, кустарной промышленности. Только теперь правительство какъ будто бы начинаетъ брать въ толкъ то, чего и слушать не хотѣло въ теченіи двадцати лѣтъ, но гдѣ же ручательство, что оно не повернется также назадъ и въ вопросахъ экономической политики въ Восточной половинѣ Россіи, когда оно свело на Чертовщину и Токаревицу гораздо болѣе радикальную и съ большимъ громомъ заявленную политику императорскаго демократизма въ Западномъ краѣ? Во всякомъ случаѣ, капиталисту легче доступиться до самаго царскаго дворца, не говоря уже о канцеляріяхъ, нежели мужику, — а, кромѣ того, чиновникъ въ наше время и самъ соблазняется перспективою стать помещикомъ и капиталистомъ вообще. Кто же можетъ положить преграду его поползновеніямъ, кромѣ организованныхъ защитниковъ народныхъ массъ?

Предположить возможность сколько нибудь прочной организаціи не только этихъ массъ, но и ихъ образованныхъ защитниковъ (адвокатовъ въ хорошемъ смыслѣ слова), — даже возможность существованія свободной печати демократическаго направленія въ абсолютной монархіи, т. е. при абсолютномъ господствѣ чиновниковъ, — было бы совершенно дѣтскою иллюзіей, такою, подобную которой можно встрѣтить только у аксаковскихъ публицистовъ и политиковъ, которые доходятъ до такой наивности, что считаютъ «царскую власть гарантіей даже противъ произвола чиновниковъ». (См. въ Русской Старинѣ, 1881 г. декабрь, статью сапожника, «Между строкъ формулярнаго списка»). Въ настоящее время ни въ одной династіи въ Европѣ нѣтъ гениальныхъ людей, которые бы могли взять на себя ве-

ликое и сложное дѣло преобразованія общественаго строя въ интересахъ рабочихъ классовъ, — а въ Романовской династіи не только нѣтъ, но и быть не можетъ, не только гениальныхъ, но просто умныхъ и хорошо воспитанныхъ въ политическомъ смыслѣ людей. По этому можно, кажется, сообразить, что подобная задача не по силамъ ни монарху, ни центральной власти вообще, и что предположеніе о преобразованіи общественаго строя посредствомъ благожелательнаго деспотизма ни къ чему не можетъ привести, кромѣ сохраненія господства бюрократіи, которая взявшись за реформы, черезъ извѣстный промежутокъ времени должна даже забыть ту цѣль, которая ею первоначально была поставлена. Наоборотъ, представительное правленіе, при самыхъ несовершенныхъ своихъ формахъ, не мыслимо теперь безъ извѣстнаго простора для инициативы самого населенія, а, следовательно, и для рабочихъ классовъ и ихъ друзей, которые, при представительномъ правленіи, получаютъ, по крайней мѣрѣ, возможность организаціи, которая, развиваясь постепенно, передаетъ дѣло общественнаго преобразованія въ руки людей, прямо въ немъ заинтересованныхъ.

Въ русской печати въ послѣднее время поднимался вопросъ о возможности для Россіи миновать періодъ расцвѣта капиталистическаго порядка посредствомъ организаціи и развитія теперь еще существующихъ народныхъ силъ и учреждений: общиннаго землевладѣнія и такой же аренды, артелей и т. п. По этой части появилось недавно въ разныхъ журналахъ нѣсколько трудовъ, которые, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ вниманія. Мы не думаемъ, чтобы экономическая жизнь Россіи смогла совсѣмъ уклониться отъ законовъ экономической жизни болѣе ея развитыхъ странъ, — но есть много вѣроятностей, что заблаговременная организація остающихся еще въ Россіи общинныхъ и артельныхъ формъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ и труда вообще, могла бы ослабить господство капитализма и сократить время этого господства. Серьезные опыты подобной организаціи могутъ быть предприняты только самоуправляющимися мѣстными учреждениями и далѣе опирающимися на нихъ общегосударственнымъ представительствомъ. Нечего и говорить, что чиновники, да еще въ Россіи, такихъ опытовъ произвести не могутъ. Было бы также палюзіей думать, что царское и, значитъ, министерское и губернаторское, несправедливое и урядническое самодержавіе въ состояніи помириться съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, — волостнымъ, уѣзднымъ, областнымъ, — самодержавіе, которое не можетъ терпѣть самостоятельности даже теперешней крестьянской общины и теперешнихъ земскихъ учреждений.

Такимъ образомъ, откуда ни подойти къ дѣлу, а самодержавіе является первымъ бревномъ на дорогѣ и нравственнаго и экономическаго освобожденія и такъ называемой «интеллигенціи», и т. наз. «народа», и если бы даже дѣйствительно «интеллигенція» была равнозначуща «буржуазіи», — то и тогда «народникамъ» все таки было бы благоразумнѣе идти до извѣстнаго момента въ союзъ съ той частью буржуазіи, которая

стремится къ свободѣ и самоуправленію, чѣмъ съ самодержавіемъ. Извѣстная доля свободы и самоуправления все таки достанется и на долю «народниковъ» и «народа». При томъ же, между образованной и солидно-дѣловой частью даже «буржуазіи» и «народомъ» нѣтъ такого принципиальнаго антагонизма, какъ между самодержавіемъ и подданными *)

Дѣловая «буржуазія», при всей тяжести ея для чернорабочихъ массъ, все таки не влаетели народа, и даже капитала, а болѣе администраторы теперешняго экономического строя; но мѣръ роста развитія и организаціи чернорабочихъ массъ, — эти администраторы естественно уступаютъ мѣсто самоуправленію послѣднихъ. Между тѣмъ какъ самодержцы — пастыри и влаетели народовъ, которые для нихъ, если не стада, то вѣчныя дѣти. Первый шагъ къ какому бы то ни было самоуправленію народа долженъ быть сокрушеніе власти этихъ пастырей, влаетелиновъ, отцевъ и какъ бы тамъ они ни назывались. Такъ было въ Западной Европѣ, такъ должно быть и будетъ и въ Россіи, — и только послѣ этого повторенія общеевропейскаго явленія Россія можетъ показывать и свою самостоятельность, если у нея есть къ тому задатки.

М. Драгомановъ.

Г. ГАЛАГАНЪ—ДЛЯ ДУХУ.

Въ числѣ послѣднихъ новогоднихъ назначеній гатчинскаго правительства есть одно, которое, навѣрно, заставитъ говорить о себѣ. Это назначеніе прилуцкаго предводителя дворянства, г. Галагана, въ члены государственнаго совета съ помѣщеніемъ въ департаментъ законовъ. Провинціальный человекъ, землецъ, свѣдущій человекъ — въ государственномъ совѣтѣ! — «Не показываетъ ли это желанія правительства сблизиться съ обществомъ, съ землею!» — воскликнуть не только безусловные восхвалители всѣхъ правительственныхъ дѣйствій, но и иные изъ фрондеровъ, которые и до сихъ поръ не могутъ выбрать другой формы для выраженія оппозиционныхъ идей, какъ восхваленіе правительства за ложку меду, иногда даже подкрашеннаго, въ бочкахъ дегтю, которыми оно покрываетъ Россію. А между тѣмъ, если была въ послѣднее время принята правительствомъ мѣра, болѣе дѣтская съ его стороны и болѣе обидная, въ своей наивности, для страны, — такъ это вышеупомянутое назначеніе. Оставимъ даже въ сторонѣ личность самого г. Галагана, — личность по всему довольно блѣдную, — что значить одинъ землецъ среди десятковъ чиновниковъ членовъ государственнаго совета? Зачѣмъ онъ туда назначенъ? Очевидно, «для духу», какъ кладутъ извѣстныя снѣди въ малыхъ дозахъ въ солёные огурцы.

Такимъ назначеніемъ можно, пожалуй, деморализовать кой кого изъ земцевъ и свѣдущихъ людей, показавъ имъ въ перспек-

*) Напоминаемъ хотъ, напр., статью въ «Отеч. Зап.» 1873 г. «Истинныя причины самарскаго голода», которой основныя начала во всякой свободной странѣ появились бы раньше и произвели бы практическія послѣдствія.

*) Солидно-дѣловая часть буржуазіи (фабриканты и пр.) не совсѣмъ то же самое, что спекулянты биржи и грюндерства, хотя, конечно, вплоть до точной границы между ними провести нельзя.